

Закономерность и случайность в истории и историографическом контексте

© В.Я. Мауль

Нижевартовский филиал ТюмГНГУ, г. Нижневартовск, 628616, Россия

В контексте современных историографических подходов рассмотрены некоторые аспекты проблемы роли личности в истории. Показано, что сегодня актуализация данного вопроса тесно связана с ростом познавательного значения исторической случайности. Аргументирована мысль о том, что плодотворное изучение роли личности в истории невозможно без обращения к классическим научным парадигмам, в том числе к марксизму.

Ключевые слова: *категории исторического познания, историческая случайность, историческая закономерность, научность истории, роль личности в истории, харизматический вождь, современная историография.*

У историков нет клятвы Геродота или Фукидида, подобной клятве Гиппократу у врачей; но если бы такая клятва была, в ней должно было бы фигурировать уважение к мертвым.

(К. Гинзбург, итальянский историк)

Научность истории и прежде не раз ставилась под сомнение. Из длинной вереницы авторитетных скептиков назовем для примера яркие имена — Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуд, М. Оукшотт, Х. Уайт.

Вполне определенно по этому поводу высказался известный дореволюционный отечественный историк И.Е. Забелин, который отмечал, что «...в ученом храме Истории... все шатко и валко, и все можно погнуть на сторону... Вот почему из исторического материала, при известной сноровке, очень легко выработать какие угодно положения и доказательства, и вот почему исторические сочинения всегда могут возбуждать самые разнообразнейшие недоразумения и, следовательно, бесконечные пререкания и споры» [1, с. 199, 200].

Один из наиболее образованных представителей дореволюционной интеллектуальной элиты — А.С. Суворин — также не без оснований заметил: «История состоит из событий, причины которых были ничтожны или неуловимы, или случайны, а сплошь и рядом люди добиваются правды, идя окольными и непременно глубокомысленными путями, боясь уронить свою ученую важность» [2, с. 5].

Подобные скептические суждения об истории нередко высказываются и в наши дни. «Основная проблема, которая мучает историка

по крайней мере с начала XX в., — подчеркивал В.М. Живов, — состоит в том, как сделать историю наукой» [3]. В унисон с ним рассуждает И.Н. Данилевский: «Сколько бы современные историки ни отказывались от претензии реконструировать прошлое, *как оно было на самом деле*, — где-то там, глубоко в подсознании у каждого из них живет эдакий червячок соблазна: уж я-то знаю *как...* К этому присоединяется не вполне осознанное стремление доказать всем (в том числе себе), что история — наука» [4, с. 337].

Примеры подобных сомнений можно приводить до бесконечности. Это означает, что периодически тиражируемые сциентистские апологии не до конца удовлетворяют пытливые умы ученой аудитории и читающей публики. В начале XXI в. привычные методологии, разного рода детерминизмы оказались не в состоянии обеспечить прирост знаний об изучаемом феномене. Многочисленные образы, которые принимает сегодня историография, являются отражением растущего плюрализма в понимании прошлого, попыткой сменить исследовательскую «оптику», взглянуть на историю под иными, нежели прежде, ракурсами.

На смену истории «великих и удивления достойных» подвигов пришла история повседневности, история быта. Конституируется не только особенность, но и будничность исторического события. История «героев» сменяется историей «простецов». Именно они теперь становятся новыми «героями» истории. Этот зачастую безымянный «коллективный человек» из глубин исторической «гримерки» сегодня решительно выдвигается на авансцену театра истории. При этом социокультурная реальность прошлого все чаще видится как совокупность множества субъективных смыслов его участников, понимание которых ведет в мир бессознательных символов, полуразгаданных знаков и подразумеваемых значений.

Названные обстоятельства требуют углубленного обращения к исследовательской «лаборатории» историка, в частности, к категориям исторического познания как научным понятиям, отражающим наиболее общие связи реального мира. Значительно более важное, чем прежде, место среди них теперь признается за исторической случайностью [5–7]. Это уникальная, зачастую неповторимая подоплека исторических событий, противостоящая их рациональным резонам. Если, как полагают, историческая закономерность, указывая на возможность того или иного события, является следствием определенным образом сложившихся объективных обстоятельств, то случайность — это то, что опровергает подобную каузальность, фактически нивелируя ее роль.

При этом очевидно, что закономерность не должна отождествляться с судьбой (или роком), она имеет свои пределы, и ее нужно понимать как конкретное соотношение сил, в существенной степени

зависящее от деятельности субъективного фактора, который во многом решает, быть или не быть этой закономерности. Как отмечал Ю.М. Лотман, история «не есть только сознательный процесс, но она и не только бессознательный процесс. Она есть взаимное напряжение того и другого» [8, с. 344].

В соответствии с расхожим мнением, случай является «разменной монетой» закономерности. Это означает, что историческая случайность придает неповторимый колорит закономерности, составляя стержневой элемент ее структуры. Например, в зарубежной историографии уже давно получил широкое распространение взгляд на случайность как силу, которая правит миром. В такой постановке вопроса история оказывалась суммативным выражением различных прихотей, капризов, симпатий и антипатий. Еще в 1909 г. Дж.Б. Бьюри в очерке «Дарвинизм и история» утверждал, что исторические события объясняются «случайными совпадениями». Примерами таких совпадений будут «внезапная смерть вождя, бездетный брак» и вообще решающая роль индивидуальности в истории. По мнению ученого, история определяется не причинными рядами, аналогичными рядам, составляющим предмет изучения естественных наук, но случайным «столкновением двух или большего числа причинных рядов» [9, с. 143, 144].

А.Дж. Тейлор также считал, что история мало чему может научить современного человека, а потому «единственный урок, который можно извлечь, исследуя прошлое, — это бессвязный и непредсказуемый характер человеческой деятельности: история представляет собой цепь случайностей и ошибок». Прошлое было для А.Дж. Тейлора преимущественно хаотичным нагромождением множества явлений, каждое из которых могло в любой момент изменить ход событий. Поэтому он был уверен, что весь облик, который приняло европейское человечество в XX в., по большому счету зависел от того, по какой улице шофер повезет эрцгерцога Франца-Фердинанда [10].

Квинтэссенцией западной историографии стала провозглашенная Дж.Б. Бьюри в одноименном очерке теория «носа Клеопатры». Буквально ее можно сформулировать так: если бы у Клеопатры нос был чуточку длиннее или короче, она не была бы столь красива и не влюбила бы в себя стольких полководцев. Следовательно, ход истории стал бы развиваться по-иному, чем произошло на практике. По этому поводу Х. Ортега-и-Гассет однажды иронически заметил: «Если вы хотите понять всю эпоху, посмотрите на нее с расстояния. С какого? А именно с такого, чтобы увидеть Клеопатру, но не разглядеть ее носа» [11, с. 81].

Вполне уместная ирония со стороны мыслителя, позволяющая, однако, считать излишне заостренным мнение Л.Б. Алаева: дескать, «... если нет в истории закономерностей, значит, нет смысла ни в ней, ни в историческом факте» [12, с. 90].

Сегодня, напротив, признается привлекательность высказанной в свое время позиции, согласно которой из того, что мы именуем случайностями, складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития бесчисленных, а потому никогда не устанавливаемых полностью случайных воль, поступков, событий и т. п. [13, с. 17, 26, 27].

Подобный взгляд логически ведет к стиранию принципиального различия между случайностью и закономерностью. Таким образом, имплицитно подвергается сомнению объективная основа исторического процесса. В результате прошлое оказывается принципиально не верифицируемым, но именно по этой причине историческое описание превращается в необычайно увлекательное занятие, напоминая, что история — это все-таки подопечная Клио.

Не стоит забывать, что одна из основных задач, стоящих перед историками, заключается в формировании массового исторического сознания. Для этого реконструируемый учеными образ прошлого должен не только и не столько принудительно сциентизироваться, но и приобретать очертания увлекательного исторического нарратива, интригующего повествования о повседневной деятельности человека прошлого — существа, как известно, импульсивного, эмоционального, а потому непредсказуемого, который зачастую ведет себя вопреки логике и рассудку, руководствуется в поступках не разумом и здравым смыслом, а чувствами, капризами и настроениями.

К таким выводам уже нередко склоняется отечественная историография в начале XXI столетия, зафиксировав утверждение откровенно плюралистических взглядов на историю и возможности ее познания. Признание за случайностью конституирующего историю значения предполагает исследование ее природы, структуры, выяснение объективных критериев субъективности, механизмов реализации случайности в историческом пространстве и, главное, способов ее научной верификации [14].

Вполне программным представляется следующее высказывание Р. Козеллека: «Говорить о месте случайности в исторической науке трудно, поскольку у нее в историографии своя собственная, еще не написанная история» [5, с. 171].

Требуется уточнить практику взаимоотношений случайности и закономерности в осуществлении исторического процесса, понимая, что в глазах современной отечественной историографии удельный вес случайности значительно возрос. Поиск решения поставленных вопросов предполагает отказ от клишированного стереотипа об истории, не знающей сослагательного наклонения, требует активного развития контрфактической историографии, а значит, разработки альтернативной истории и тщательного анализа неосуществившихся вариантов истории. Первые, хотя и достаточно робкие опыты обра-

щения к этим гносеологическим проблемам современного историописания уже отмечены в работах некоторых отечественных исследователей [15–8].

Известно, что в литературе выделяют несколько типов исторической случайности. Например, случайностью, как правило, объявляют то, что оказывается непонятным историку в прошедшей действительности. Это наименее интересная для ученого разновидность, поскольку здесь нечего и обсуждать.

Во-вторых, случайности возникают на линии пересечения двух причинно-следственных рядов, когда события, закономерные в одном ряду, становятся случайными в другом: «Примером такого рода вторжения случайности, не обусловленного внутренними закономерностями, но заметно изменившего ход исторического развития, могут служить колониальные захваты XVI—XIX вв. Они представляют собой закономерный результат предшествовавшего развития Западной Европы по пути капитализма, требовавшего новых рынков, богатств, оперативного простора. Но в истории народов Америки, Азии, Африки, Австралии, Океании эти захваты ни в коей мере не вытекали закономерно из их внутреннего развития в предшествовавшую эпоху», т. е. выступали в качестве случайности [13, с. 26].

Один из наиболее важных типов случайности связан с деятельностью исторической личности. Во взаимодействии с широким общественно-политическим, экономическим, культурным и иным контекстом, который также создается субъективной деятельностью людей, она сегодня справедливо называется среди наиболее влиятельных движителей истории. Иначе говоря, каждая историческая личность налагает свой отпечаток на процесс общественного развития. Чем значительнее масштаб личности, тем более существенное влияние оказывает на ход истории случайность. Однако совсем не обязательно это должен быть именно «герой» в привычном понимании слова, какой-нибудь харизматический вождь. Подойдет, например, и так называемый «человек второго плана». Можно даже предположить, что в жизни подобных персонажей более адекватно отражаются характеристические черты эпохи, чем в биографиях фигур первой величины.

В связи с потребностью в новой, более результативной познавательной «оптике» сегодня актуализируется задача без априорно заданного политико-идеологического антуража осмыслить эвристический потенциал классических научных парадигм.

Несомненно, следует назвать марксистскую методологию, которая избавлена как от полного отрицания исторической случайности, так и от ее гипертрофирования. Вспомним мнение К. Маркса, что история «... носила бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь други-

ми случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [19, с. 175].

Необходимо выяснить, насколько теоретически заявленный классиками постулат был воспринят их последователями. При этом следует отделять творческую составляющую марксизма от его догматизации многочисленными эпигонами.

В наиболее развернутом виде марксистскую концепцию роли личности в истории изложил Г.В. Плеханов. Он пытался обосновать положение о том, что главная роль в истории принадлежит массам, а личность — всего лишь орудие исторической необходимости. Причем «сознание безусловной необходимости» того или иного явления «может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление» [20, с. 10].

Такая постановка вопроса в общем мировоззренческом плане шла еще от Г. Гегеля, у которого личность выступала в качестве орудия мирового духа. Г.В. Плеханов перенес эти представления на материалистическую почву. Он утверждал, что личность, «благодаря особенностям своего ума и характера», может изменить только «индивидуальную физиономию событий», но не общее направление исторического развития [20, с. 31, 32].

Следовательно, личность — это выразитель императивных потребностей эпохи, но выражает она их по-своему. Иначе говоря, при наличии объективных условий, которые помогают или мешают развитию личных качеств, роль исторической случайности остается чрезвычайно значительной. В формулировке Г.В. Плеханова это звучит так: «Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи... Во-вторых, существующий общественный строй не должен загораживать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время» [20, с. 33].

Марксистский подход к роли личности впервые был подвергнут серьезной критике еще на рубеже XIX—XX вв. известным идеологом либерального народничества Н.К. Михайловским, который нащупал ряд уязвимых мест в построениях апологетов марксизма, их упрощенность и схематизм, часто не совпадавшие с практикой живого исторического развития. Во многом справедливо он упрекал марксистов за фатализацию истории, замечая, что «...в ней (марксистской доктрине — *В.М.*) нет героев и толпы, а есть только равно необходимые люди, в известном порядке выскакивающие из таинственных недр истории. В действительной жизни, однако, герои и толпа суще-

ствуют; герои ведут, толпа бредет за ними, и прекрасный пример тому представляют собой Маркс и марксисты» [21, с. 114; 22].

В марксистском же обрамлении познавательная процедура сводилась к упрощенному и неверному умозаключению: если какое-то событие произошло, значит, оно и должно было произойти. По характерному суждению Г.В. Плеханова, «...события совершаются под влиянием какой-то скрытой необходимости, действующей, подобно стихийным силам природы, слепо, но сообразно известным непреложным законам» [20, с. 19].

Очевидно, что марксистский подход намеренно акцентирует инвариантность исторического развития, но в современной историографии все более ангажируется альтернативность как смыслополагающая сердцевина истории. И в этом принципиальном противопоставлении остро ощущается разнонаправленность их познавательных векторов. Однако для того чтобы рассматривать историю исключительно в провиденциалистской тональности, серьезных оснований нет. В реальности случайность расцветивает историческую картину разнообразием ярких, во многом неповторимых красок. В результате прошлое становится значительно более многомерным и, следовательно, адекватным.

Намного более акцентированно, нежели в марксистской теории, эти гносеологические нюансы были учтены немецким социологом М. Вебером, обосновавшим понятие «харизматический лидер». Как известно, в психологии харизма — наделение личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Этот феномен характерен для малых и особенно для больших групп, склонных персонифицировать свои идеалы в процессе сплочения. Харизма чаще всего возникает в экстремальных исторических обстоятельствах. Харизматическому лидеру приписываются все успехи его сторонников, даже явные неудачи обращаются его прославлением [23, с. 438].

Поскольку харизма — особый божественный дар, небесная благодать, ниспосланная свыше, харизматический вождь обладает умением осознать интересы народных масс, выразить их в виде лозунгов и благодаря этому увлечь массы за собой. Следовательно, харизматический лидер является великолепным знатоком социальной психологии. На горизонте исторического пространства таковые появляются лишь изредка. Как подчеркивал М. Вебер, «преданность харизме пророка или вождя на войне... как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него... В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах» [24, с. 647, 648].

В этом случае отмечается куда более существенное воздействие харизматической личности на исторический процесс, чем обычно принято считать. По мнению С. Московичи, в условиях общественного кризиса массы «...ищут, сами того не понимая, человека, способного оказать влияние на ход вещей, связать идеальное и реальное, невозможное и возможное. В общем, перевернуть существующий порядок, ощущаемый как беспорядок, и привести все общество к настоящей цели. Тогда и возникает необходимость в таком типе власти, которая способна изменить ситуацию изнутри. И лидеры, обладающие харизмой, отвечают этой необходимости» [24, с. 352].

Таким образом, можно заметить, что наблюдаемое сегодня усиление познавательного значения исторической случайности не означает отказа от накопленного современной историографией эвристического багажа. Для реализации новых исследовательских и социально-культурных тенденций требуются методологии, учитывающие сущностное единство, принципиальную диалектическую нераздельность субъективного и объективного компонентов в историческом процессе, широкий круг разнообразных идей и представлений, в том числе связанных с задачами антропологизации прошлого. Только в этом случае профессиональным служителям Клио стоит рассчитывать на более глубокое понимание роли личности в процессе исторического развития. В свою очередь, столь существенный крен в сторону личностного «измерения» прошлого позволит отечественному историописанию вернуть утраченные позиции в борьбе за историческое сознание людей, вновь занять ту интеллектуальную нишу, которой сегодня практически безраздельно владеют искатели «всей правды» об истории, новые хроноложцы и иже с ними. Тогда с полной уверенностью можно будет сказать, что почти полтора десятка лет после миллениума не прошли безрезультатно для ремесла историка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Забелин И.Е. Шаткость научных оснований в истории. *Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время*. Москва, Аграф, 1999, с. 197–252.
- [2] Суворин А.С. *О Димитрии Самозванце*. Санкт-Петербург, Издание А.С. Суворина, 1906.
- [3] Живов В.М. Об исторической науке у Карло Гинзбурга. Новое литературное обозрение, 2004, № 65 (1), с. 6–10. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html>
- [4] Данилевский И.Н. А был ли казус? Некоторые размышления об одной перебранке, которой, вероятно, никогда не было... *Казус*. Индивидуальное и уникальное в истории, 2003, № 5, с. 337–364.
- [5] Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии. *THESIS*, 1994, вып. 5, с. 171–184.
- [6] Лотман Ю.М. Клио на распутье. *Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры*. Таллинн, Александра, 1992, с. 464–471.

- [7] Бочаров А.В. Историографические и методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив. *Вестник Томского государственного университета*, 2007, № 297, с. 111–121.
- [8] Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе). *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург, Искусство-СПБ, 2002, с. 342–348.
- [9] Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории*. Автобиография. Москва, 1980.
- [10] Хант Т. История об историке: А.Дж.П. Тэйлор, профессор-шоумен. *Русский журнал*. URL: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Istoriya-ob-istorike-A.Dzh.P.Tejlor-professor-shoumen>
- [11] Ортега-и-Гассет Х. *Дегуманизация искусства и другие работы*. Москва, Радуга, 1991.
- [12] Алаев Л.Б. На подступах к новой теории исторического процесса. *Вопросы истории*, 1994, № 6, с. 90–95.
- [13] Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность истории. *Вопросы истории*, 1965, № 8, с. 14–30.
- [14] Николаева И.Ю. *Полидисциплинарный синтез и верификация в истории*. Томск, Изд-во Том. ун-та, 2010.
- [15] Исаченко А.В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (об одном несостоявшемся варианте истории русского языка). *Вестник Российской академии наук*, 1998, т. 68, № 11, с. 970–974.
- [16] История в сослагательном наклонении (круглый стол). *Одиссей: человек в истории*. Москва, Наука, 2000, с. 5–85.
- [17] Экштут С.А. *Альтернативность в историческом процессе и в истории культуры*. Москва, ИВИ РАН; Том. ун-т, 2003.
- [18] Мауль В.Я. Если бы император Петр III не был убит заговорщиками... или Попытка сослагательного наклонения в истории. История идей и история общества. *Материалы V Всероссийской научной конференции*. Нижневартовск, Изд-во НГГУ, 2007, с. 147–149.
- [19] Маркс К. Письмо Людвигу Кугельману, 17 апреля 1871 г. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*, т. 33. 2-е изд. Москва, Изд-во политической литературы, 1964, с. 175.
- [20] Плеханов Г.В. *К вопросу о роли личности в истории*. Москва, Соцэкгиз, 1941.
- [21] Михайловский Н.К. Литература и жизнь. *Русское богатство*, 1894, № 1, с. 88–123.
- [22] Михайловский Н.К. Герои и толпа. *Отечественные записки*, 1882, № 1, с. 91–122; № 2, с. 501–536; № 5, с. 199–228.
- [23] Петровский А.В., Ярошевский М.Г., ред. *Психология. Словарь*. Москва, Политиздат, 1990.
- [24] Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990.
- [25] Московичи С. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. Москва, Центр психологии и психотерапии, 1996.

Статья поступила в редакцию 09.06.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Мауль В.Я. Закономерность и случайность в истории и историографическом контексте. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 3.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/190.html>

Мауль Виктор Яковлевич — д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарно-экономических дисциплин филиала Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Нижневартовске. e-mail: VYMaul@mail.ru

Regularity and randomness in history and historiographical scope

© V.Ya. Maul'

Nizhnevartovsk branch of Tyumen State Oil and Gas University, Nizhnevartovsk,
628616, Russia

The article considers some issues of personality and its role in modern historiographical approaches. Today actualization of the problem under study is closely related to the growth of informative value of historical randomness. The thorough investigation of the personality's role in history is impossible without an appeal to classical scientific paradigms, including Marxism.

Keywords: *categories of historical knowledge, historical randomness, historical regularity, scientific character of history, role of the personality in the history, charismatic leader, modern historiography.*

REFERENCES

- [1] Zabelin I.E. Shatkost' nauchnyh osnovaniy v istorii [Precariousness of scientific bases in history]. *Minin i Pozharsky. Pryamye i krivyye v Smutnoe vremya* [Minin and Pozharsky. Straights and curves in the Time of Troubles]. Moscow, Agraf Publ., 1999, pp. 197–252.
- [2] Suvorin A.S. *O Dimitrii Samozvantse* [Demetrius Pretender]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1906, 245 p.
- [3] Zhivov V.M. *Novoe literaturnoe obozrenie — New literary observer*, 2004, no. 65 (1), pp. 6–10. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zh1.html> (accessed 7 May 2014).
- [4] Danilevsky I.N. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii — Casus. Individual and unique in history*, 2003, no. 5, pp. 337–364.
- [5] Kozellek R. Sluchainost' kak poslednee pribezhische istoriografii [Randomness as a last resort of historiography]. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 171–184.
- [6] Lotman Yu.M. Klio narasput'e [Clio at the Crossroads]. *Izbrannye stat'i v treh tomah. T. 1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Featured articles in 3 volumes. Volume 1: Articles on semiotics and culture topology]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 464–471.
- [7] Bocharov A.V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2007, no. 297, pp. 111–121.
- [8] Lotman Yu.M. Iz'yavlenie Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoe i sluchainoe v istoricheskom processe). [Expression of the Lord or gamble? (Regularity and randomness in the historical process)]. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002, pp. 342–348.
- [9] Kollingvud R. Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow, 1980, 486 p.
- [10] Khant T. Istoriya ob istorike: A.Dzh.P. Teilor, professor-shoumen [History about a historian: A.Dzh.P. Taylor, professor showman]. *Russkiy zhurnal — The Russian journal*. Available at: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Istoriya-ob-istorike-A.Dzh.P.Teilor-professor-shoumen>

- [11] Ortega-i-Gasset H. *Degumanizatsiya iskusstva i drugie raboty* [Dehumanization of Art and other Works]. Moscow, Raduga Publ., 1991, 646 p.
- [12] Alaev L.B. *Voprosy istorii — Problems of history*, 1994, no. 6, pp. 90–95.
- [13] Gurevich A.Ya. *Voprosy istorii — Problems of history*, 1965, no. 8, pp. 14–30.
- [14] Nikolaeva I.Yu. *Polidisciplinarnyi sintez i verifikatsiya v istorii* [Polydisciplinary synthesis and verification in history]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010, 410 p.
- [15] Isachenko A.V. *Vestnik Rossiyskoi akademii nauk — RAS Bulletin*, 1998, vol. 68, no.11, pp. 970–974.
- [16] Istoriya v soslagatel'nom naklonenii (kruglyi stol) [History in the subjunctive mood (round table)]. *Odissei: chelovek v istorii* [Odysseus: a man in history]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 5–85.
- [17] Ekshtut S.A. *Al'ternativnost' v istoricheskoy processe i v istorii kul'tury* [Alternatives in the historical process and cultural history]. Moscow, IGH RAS; Tomsk University Publ., 2003, 16 p.
- [18] Maul' V.Ya. Esli by imperator Petr III ne byl lubit zagovorschikami ili popytka soslagatel'nogo nakloneniya v istorii. Istoriya idei i istoriya obshchestva [If the Emperor Peter III had not been killed by conspirators ... or an attempt of subjunctive mood in history. The history of ideas and the history of society]. *Mater. V Vseross. nauchn. konf.* [Proceedings of the V All-Russian scientific conference]. Nizhnevartovsk, NVSU Publ., 2007, pp. 147–149.
- [19] Marks K. Pis'mo Lyudvigu Kugel'manu, 17 aprelya 1871 g. [Letter to Ludwig Kugelmann, April 17, 1871]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya*, tom 33. [Marx–Engels. Collected Works, vol. 33]. 2nd ed., Moscow, Gospolitizdat Publ., pp. 174–175.
- [20] Plehanov G.V. *K voprosu o roli lichnosti v istorii* [The role of personality in history]. Moscow, Socekgiz Publ., 1941, 43 p.
- [21] Mihailovsky N.K. *Russkoe bogatstvo — The Russian richness*, 1894, no. 1, pp. 88–123.
- [22] Mihailovsky N.K. *Otechestvennye zapiski — Domestic notes*, 1882, no.1, pp. 91–122; no. 2, pp. 501–536; no. 5, pp. 199–228.
- [23] Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G., ed. *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Glossary]. Moscow, Politizdat Publ., 1990.
- [24] Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990.
- [25] Moskovichi S. *Vek tolp. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [Age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. Moscow, Psychology and psychotherapy center Publ., 1996.

Maul V.Ya., Dr. Sci. (Hist.), Professor of “Humanitarian and economic disciplines” Department at Nizhnevartovsk branch of the Tyumen State Oil and Gas University, Russia. e-mail: VYMaul@mail.ru